

УДК 342.3/327.8

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-4-171-180

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Обринская Е. К.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Ментальные угрозы индивидуальной и групповой идентичности приводят к масштабному кризису и ставят под удар будущее России и русского мира как цивилизационного (не этнического) проекта. Существенную опасность для ментальности представляют глобализационные процессы и их специфические побочные эффекты. Наиболее серьезное деструктивное воздействие на ментальность оказывают внешние манипуляционные практики, в частности, инструментами «мягкой силы». Проблема внешнего влияния становится одной из важнейших проблем обеспечения национальной безопасности в современном мире. Формируется ориентированность не только на пассивную защиту, но и на превентивные действия в этой сфере. Нормативно-правовая основа ментальной безопасности Российской Федерации вполне соответствует возникающим угрозам и необходимым усилиям по противодействию им. При этом существуют возможности для ее совершенствования в направлении окончательного выделения ментальной безопасности в самостоятельный целостный сегмент национальной безопасности, что позволит более эффективно решать возникающие в этой сфере проблемы и задачи.

Ключевые слова: национальная безопасность, ментальная безопасность, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, «мягкая сила».

На современном этапе развития российского государства и эволюции мировых тенденций ментальная безопасность оказывается залогом выживания общества и государства. Многочисленные ментальные угрозы как индивидуальной, так и групповой идентичности приводят к масштабному кризису и ставят под удар будущее России и русского мира как цивилизационного (не этнического) проекта.

Существенную опасность для ментальности представляют глобализационные процессы, которые имеют специфические побочные эффекты. Следует учитывать, что глобализация – процесс объективный, его не остановить и не повернуть вспять. Кроме того, помимо негативных факторов глобализация имеет и положительные аспекты. Поэтому, безусловно, влияние глобализационных процессов необходимо учитывать с целью компенсации в механизме обеспечения национальной безопасности ее ментальных издержек. Однако не глобализация является основной угрозой ментальной безопасности.

Наиболее серьезное деструктивное воздействие на ментальность оказывают внешние манипуляционные практики. В данном случае речь идет об инструментари «мягкой силы», который оказывается менее затратным и более эффективным по сравнению с военными или экономическими методами. Эта проблема внешнего влияния становится одной из важнейших проблем обеспечения национальной безопасности в современном мире. Она еще не до конца проработана, однако она, безусловно, осознается. Более того, формируется ориентированность не только на пассивную защиту, но и на превентивные действия в этой сфере. В частности, в соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ для предотвращения угроз

национальной безопасности и «в целях обеспечения и защиты национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, в том числе от недружественных действий иностранных государств, необходимо повысить эффективность использования имеющихся достижений и конкурентных преимуществ ... с учетом долгосрочных тенденций мирового развития» [1]. Таким образом, на государственном уровне предполагается для максимального эффективного обеспечения интересов национальной безопасности не только противодействовать применению инструментария «мягкой силы» извне, но и использовать аналогичные приемы для распространения своих стандартов и ценностей в мире. Как минимум такая политика сблизит Россию с миром, сделает ее более понятной, а значит, менее угрожающей, и таким образом, снизит напряженность в международных отношениях. В перспективе же возможно принятие российского видения международных отношений и государственной политики в глобальном масштабе. Поэтому, по мнению ряда ученых, приоритет должен отдаваться «не защите, а последовательной, твердой и эффективной реализации ценностей и интересов» [2, с. 121]. Для этого в первую очередь необходимо переосмысление приоритетов системы обеспечения национальной безопасности, развитие технологий противостояния информационной войне и ментальному воздействию извне, активное применение инструментария «мягкой силы».

Первым шагом в решении указанной проблемы является ее осознание. Сравнительный анализ текстов Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2009, 2015 и 2021 гг. наглядно демонстрирует эволюцию понятия, содержания и способов обеспечения национальной безопасности, и в первую очередь – возрастание значимости культурной и духовной безопасности. Следующим этапом и «одним из ключевых факторов, необходимых для сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности страны, консолидации общества, создания условий для успешного решения внутренних проблем и, соответственно, возникновения возможности для ведения государством активной внешней политики, предстает необходимость формирования собственной стратегии обеспечения национальной культурной безопасности и потенциалов «мягкой силы» [3, с. 167].

Многое в этом плане уже делается: ознакомление зарубежных сообществ с российской культурой, активное участие в международных спортивных и культурных мероприятиях и т.п. Однако пока эта деятельность не носит стратегический характер и, соответственно, дает незначительные результаты. Подавляющее большинство иностранцев воспринимает Россию через призму стереотипов, сформированных еще в период холодной войны. Попадая в Россию, прожив здесь некоторое время, иностранцы иначе воспринимают нашу страну и наш народ. Оказывается, что мы не так уж отличаемся от них, а значит, нам нечего опасаться друг друга. Именно личный опыт становится наиболее действенным инструментом «мягкой силы», неважно, получен ли он в России или за ее пределами. Это направление необходимо развивать на государственном уровне.

Важнейшим фактором и ключевой проблемой обеспечения ментальной безопасности являются «аксиологические доминанты, обуславливающие интеграцию модернизируемого российского общества (традиции, ценности, оценки)» [4, с. 11], среди которых – конструктивная национальная идея и патриотизм. Ни одно государство нежизнеспособно без национальной идеи, обосновывающей само его существование, объединяющей граждан в нацию. Однако, по мнению специалистов, «в

настоящее время в Российской Федерации наблюдается ситуация, характеризующаяся отсутствием четкой позиции, касающейся национальной идеи нашего государства, ее места и роли в обеспечении национальной безопасности» [5, с. 42-43], что явилось следствием, с одной стороны, деидеологизации после распада СССР, а с другой – глобализации, в ходе которой происходит унификация всех систем общества. Именно через формулирование национальной идеи и воспитание патриотизма российское государство способно существенно укрепить свои позиции и защититься от множества внутренних и внешних угроз, обеспечив ментальную безопасность.

Безусловно, отдельные элементы механизма обеспечения ментальной безопасности в Российской Федерации уже реализуются в течение некоторого времени. Впервые в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [6], принятой в 2009 г., появляются разделы «культура» и «образование». В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2015 г., разделы остались прежними, однако в плоскости угроз и противодействия им делался больший акцент на ментальные угрозы и использование «мягкой силы», хотя формулировки были довольно деликатные – речь шла о противостоянии, конкуренции между государствами [7]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой 3 июля 2021 г., вещи названы своими именами – «стремление изолировать Российскую Федерацию и использование в международной политике двойных стандартов», «попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории», «проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России», говорится о попытках использовать имеющиеся проблемы «для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения... раскола российского общества», «реализации целенаправленной политики по сдерживанию Российской Федерации», «насаждение чуждых идеалов», «пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование», «традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников» [1]. Что касается средств обеспечения национальной безопасности в ментальной сфере, то от стратегии к стратегии законодатель все больше приближался к ее выделению. Наконец, в Стратегии 2021 г. выведены два специфических направления – «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» и «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Эти формулировки вплотную подходят к понятию ментальной безопасности. Однако только системный подход в данной сфере способен обусловить приемлемый уровень ментальной безопасности.

Прежде всего, необходимо ввести в научный оборот и практику государственного управления понятие ментальной безопасности. Следует реализовать комплексный подход к обеспечению данной составляющей национальной безопасности. Безусловно, системообразующим фактором должно стать соответствующее правовое регулирование обеспечения ментальной безопасности Российской Федерации.

В упоминавшейся выше Стратегии национальной безопасности Российской Федерации присутствуют все ключевые аспекты ментальной безопасности, не связанные, однако, воедино. Помимо этого, имеются и иные источники.

В частности, А.Э. Мысев и Н.В. Морозов в статье, посвященной проблеме правового регулирования информационной безопасности в Российской Федерации, по-

дробно анализируют Доктрину информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 606) и Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»». Авторы выделяют в качестве угрозы безопасности России отрицательное воздействие зарубежных средств массовой информации на граждан за счет распространения недостоверных материалов, что вызвало необходимость ограничения доступа к таким ресурсам [8, с. 54]. Также описываются меры по нейтрализации указанных угроз, хотя их эффективность признается невысокой.

Существуют инициативы по воспитанию патриотизма в образовательной, спортивной, культурной сферах, обеспеченные соответствующими правовыми средствами. Активно развивается правовое регулирование межнациональных и межконфессиональных отношений, что способствует существенному снижению потенциала конфликтогенности и повышению уровня безопасности.

Таким образом, базовые составляющие национальной безопасности Российской Федерации обеспечиваются на основе системного правового регулирования. Основной проблемой, на наш взгляд, является их дифференциация по направлениям, в то время как духовная, культурная, образовательная, социальная сферы должны развиваться в рамках единого комплекса, обеспечивающего ментальную безопасность российского общества и, соответственно, государства.

Для эффективного противодействия возникающим перед Россией вызовам и угрозам, достижения максимального уровня защищенности, реализации потенциала развития необходимо мыслить стратегически – не только с военной, экономической, но и с ментальной точки зрения. В современных условиях, связанных с нарастающей глобализацией, изменением международной политической ситуации, технологий взаимодействия государств, обществ, индивидов, именно обеспечение ментальной безопасности выходит на первый план и становится залогом не только развития, но и выживания тех или иных наций.

Более того, обеспечение национальной безопасности в ментальной сфере не должно представлять собой сугубо оборонительную стратегию. По мнению Г. Филимонова, «одним из ключевых факторов, необходимых для сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности страны, консолидации общества, создания условий для успешного решения внутренних проблем и, соответственно, возникновения возможности для ведения государством активной внешней политики, предстает необходимость формирования собственной стратегии обеспечения национальной культурной безопасности и потенциалов «мягкой силы» [3, с. 167]. То есть, приоритет должен отдаваться не защите, а «последовательной, твердой и эффективной реализации ценностей и интересов в обстановке различных опасностей и угроз» [2, с. 121], что как раз и делает возможным применение инструментария «мягкой силы» во внутренней и, особенно, во внешней политике.

Комплексная стратегия противостояния внешнему социокультурному влиянию требует соответствующего системного правового оформления. Существенным шагом в этом направлении является новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г., более прогрессивная, чем предыдущие 2009 и 2015 гг. В ней в качестве стратегических приоритетов среди прочих обозначается «защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воз-

действия» и «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России». Отмечается, что основным объектом «деструктивного воздействия является молодежь». В качестве угроз национальной безопасности, кроме названных выше, указывается разрушительное воздействие на «базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности», «информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры».

Исходя из этого определяются задачи обеспечения национальной безопасности России, среди которых: «обучение и воспитание детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно исторических ценностей», «укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности», «укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственности поколений», «государственной информационной политики, направленной на усиление в массовом сознании роли традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, неприятие гражданами навязываемых извне деструктивных идей, стереотипов и моделей поведения», «поддержка общественных проектов, направленных на патриотическое воспитание граждан, сохранение исторической памяти и культуры народов Российской Федерации», «формирование государственного заказа на ... создание произведений литературы и искусства, кинематографической, театральной, телевизионной, видео- и интернет-продукции», «защита российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия», «повышение роли России в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве». Последнее, кстати, подразумевает, что российское государство готово сформировать и представить реальную альтернативу западной ментальной модели – тип ментальности, основанный на традиционных ценностях, но ориентированный на развитие.

Для того, чтобы подобная альтернатива оказалась жизнеспособной и действенной, чтобы не только российское общество и государство укреплялось, но и все шире в мире распространялись конструктивные, а не деструктивные, идеи и ценности, необходимо развитие системной программы действий в культурной, социальной и духовной сферах, подкрепленное соответствующим правовым обеспечением. Жизненно важна комплексная реализация практических мероприятий в рамках стратегических приоритетов и задач, обозначенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г.

Стратегия 2021 г. существенно расширила и конкретизировала задачи обеспечения национальной безопасности в ментальной сфере. Поэтому прежние нормативно-правовые акты, которые были привязаны к Стратегии 2015 г. уже не в полной мере отвечают им. В частности, важность социокультурного аспекта для обеспечения национальной безопасности зафиксирована в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. [9], Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. [10]. В соответствии с существующей нормативной базой формируется и государственная политика в социокультурной сфере, включающая разнообразные направления и реализующаяся различными ведомствами.

Министерство труда и социальной политики Российской Федерации руководствуется в своей деятельности Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. В Концепции основной ценностью провозглашается «большая многопоколенная семья..., в которой были налажены тесные взаимосвязи между несколькими поколениями родственников», а воспитательная стратегия «направлена на формирование у младшего поколения духовно-нравственных, этических ценностей и основана на уважении к родителям, а также людям старшего поколения». Помимо экономических сложностей, на которые наталкивается на современном этапе институт семьи (одной из которых является проблема жилья), угрозой является обесценивание самого понятия семьи – следствие глобализационных процессов. Если в начале XX в. естественным для российского государства (да и для подавляющего числа стран мира) было проживание в той местности, где человек родился, в течение всей жизни, то сегодня повсеместно дети стремятся вырваться из привычного окружения (с целью «посмотреть мир», в поисках «лучшей жизни» и т.д.). В отношениях между поколениями перенимается западная модель – дети не должны мешать жить родителям, а родители не должны вмешиваться в жизнь детей, причем это касается как взрослых, так и несовершеннолетних детей. В результате нарушаются связи между поколениями, искажается персональная и групповая идентичность, что приводит к серьезным психологическим проблемам личности и духовно-социальному кризису в обществе.

Поэтому Концепция государственной семейной политики декларирует, что «главными приоритетами успешного развития страны должны стать укрепление семьи как основы государства, а также формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в будущем, ощущала бы себя защищенной от рисков, связанных с появлением ребенка или нескольких детей в семье» и, соответственно «приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи». Эта задача еще далека от завершения, но сам факт признания существующих проблем и выработка стратегии их преодоления являются серьезными шагами на пути их решения. Сплочение семьи, укрепление связей между людьми способствуют не только оздоровлению общества, но и закладывают основы преодоления демографических проблем (снижение рождаемости, старение нации и т.п.).

Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. выделяет в качестве угроз «снижение интеллектуального и культурного уровня общества; девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации; атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других». Отдельно отмечается как негативная тенденция, что «одними из основных рисков являются постепенное сокращение в силу разных причин присутствия и влияния

российской культуры в мире». В целом указанные документы конкретизируют положения Стратегии национальной безопасности РФ и призваны определить меры реализации задач, там обозначенных. Следует отметить общую тенденцию, характерную для всего ментального сегмента обеспечения национальной безопасности. Как уже говорилось, законодатель вплотную приблизился к обозначению содержания ментальной безопасности. В Стратегии 2021 г. оно максимально точно охарактеризовано, хотя и содержится в основном в культурном блоке с упоминанием отдельных аспектов в разделе информационной безопасности и сбережения народа России и развитие человеческого потенциала.

Формулировки, содержащиеся в Стратегии, конечно, точные, однако неаконичные. Вероятно, они не охватывают все нюансы обозначаемого сегмента национальной безопасности. Поэтому признание закрепления за ним наименования «ментальная безопасность» по аналогии с информационной безопасностью, обороной, экономической безопасностью, остается актуальным.

С практической точки зрения проблема заключается в том, что из-за отсутствия единого обозначения (хотя тенденция к объединению всех аспектов ментальной безопасности воедино с 2009 по 2021 год очевидна) реализация отдельных направлений ментальной безопасности остается за различными ведомствами и, соответственно, каждое из них принимает собственные акты, конкретизирующие положения Стратегии национальной безопасности в рамках их профиля. Это не только не способствует формированию целостной нормативной базы обеспечения ментальной безопасности, но и затрудняет комплексную реализацию мероприятий в этой сфере.

Государственная политика Российской Федерации основана на межведомственном сотрудничестве и координации. Однако этого недостаточно для реализации мероприятий в такой специфической сфере как ментальная безопасность. Не будучи выделена в самостоятельное целостное направление национальной безопасности ментальная безопасность не обладает и своей нормативной базой, в которой системно распределялись бы полномочия между ответственными субъектами. Получается, что все ведомства, задействованные в обеспечении ментальной безопасности, в целом самостоятельно определяют, какие задачи, поставленные в Стратегии национальной безопасности, в каком формате и как они будут выполнять. В результате некоторые функции дублируются, организовываются мероприятия обособленно и не системно, хотя в рамках каждого ведомства работа ведется качественно.

Для решения проблемы в перспективе считаем целесообразным создать Стратегию ментальной безопасности Российской Федерации. В ней должны быть отражены перечень угроз ментальной безопасности, задачи противодействия этим угрозам, способы противодействия, методы обеспечения противодействия, а также ответственные субъекты за каждое направление. При наличии межведомственных проектов, они разрабатываются и реализуются совместно.

Ментальная безопасность включает в себя следующие аспекты: образование, культурно-туристическая сфера, духовная сфера, социально-трудовая сфера. Неоднозначно видится религиозная составляющая. С одной стороны, вера – ключевой социальный институт, имеющий конструктивное воздействие на морально-этическую сферу. С другой стороны, Россия – светское государство и не совсем понятно, как решать, какие религии поддерживать, а какие – нет.

Подводя итоги, следует отметить, что нормативное регулирование вопросов обеспечения ментальной безопасности было радикально усовершенствовано. Если в 2009 г. в Стратегии национальной безопасности РФ вообще впервые упоминается культура и образование как сферы обеспечения национальной безопасности, то к 2021 г. все разнообразие задач обозначено в двух блоках «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» и «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти», что уже максимально близко к выделению ментальной безопасности в самостоятельное целостное направление.

Существенно конкретизировано содержание угроз и задач в сфере ментальной безопасности. Если Стратегия 2009 г. все еще преимущественно сосредоточена на традиционных аспектах безопасности, то в 2021 г. проблемы ментального плана уравниваются в значимости в военно-политическими и экономическими. По сравнению со Стратегией 2015 г. в Стратегии 2021 г. гораздо более подробно охарактеризованы ментальные аспекты обеспечения национальной безопасности.

Эволюция подходов к содержанию национальной безопасности свидетельствует не только об изменении ситуации в стране и в международных отношениях, в общемировых тенденциях цивилизационного развития, но и об осознании политической элитой трансформации сущности угроз национальной безопасности и необходимых мер по противодействию им.

Особенно ценно, что в Стратегии 2015 г. и в еще большей степени в Стратегии 2021 г. прослеживается необходимость осуществления превентивной деятельности в рамках обеспечения национальной безопасности. В ментальной плоскости речь идет об эффективном использовании Россией на международной арене инструментария «мягкой силы», что позволит существенно изменить отношение зарубежных сообществ к нашей стране, компенсировать и нивелировать усилия в рамках информационной войны против России по ее дискредитации и формированию ее воинственного и злобного образа, «открыть» Россию миру и, возможно, способствовать объединению вокруг нее других стран.

Таким образом, нормативно-правовая основа ментальной безопасности Российской Федерации вполне соответствует возникающим угрозам и необходимым усилиям по противодействию им. При этом существуют возможности для ее совершенствования в направлении окончательного выделения ментальной безопасности в самостоятельный целостный сегмент национальной безопасности, что позволит более эффективно решать возникающие в этой сфере проблемы и задачи. В том числе это касается и организационно-функционального аспекта, реализации положений Стратегии национальной безопасности за счет ресурсов механизма государственного управления Российской Федерации.

Список литературы:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1472577/>.
2. Труханов В.А. Эволюция понятия «национальная безопасность» // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 119–122.
3. Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: монография. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.

4. Райгородский В.Л. Политические и правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-р полит наук: 23.00.02 / Райгородский Валерий Леонидович; Ростовский юридический институт МВД России. Ростов-на-Дону, 2004. – 57 с.
5. Толмачева Е.С., Пузиков Р.В. Правовое регулирование национальной идеи в Российской Федерации: особенности и перспективы // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. – 2015. – № 2 (2). – С. 42-47.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 (в редакции Указа Президента РФ от 01.07.2014 № 483) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html>.
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196054/>
8. Мысов А.Э., Морозов Н.В. Правовое регулирование информационной безопасности в Российской Федерации // Отечественная юриспруденция. – 2019. – № 3 (35). – С. 51-55.
9. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-п // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html>
10. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-п // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>.

Obrinskaya E.K. Legal and regulatory framework for ensuring the mental security of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – P. 171-180.

Mental threats to individual and group identity lead to a large-scale crisis and jeopardize the future of Russia and the Russian world as a civilizational (not ethnic) project. Globalization processes and their specific side effects pose a significant danger to the mentality. The most serious destructive effect on the mentality is exerted by external manipulation practices, in particular, by the instruments of “soft power”. The problem of external influence is becoming one of the most important problems of ensuring national security in the modern world. An orientation is being formed not only on passive protection, but also on preventive actions in this area. The legal and regulatory framework for the mental security of the Russian Federation is fully consistent with the emerging threats and the necessary efforts to counter them. At the same time, there are opportunities for its improvement in the direction of the final separation of mental security into an independent integral segment of national security, which will make it possible to more effectively solve the problems and tasks that arise in this area.

Key words: national security, mental security, National Security Strategy of the Russian Federation, “soft power”.

Spisok literatury:

1. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 g. № 400 // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1472577/>.
2. Truhanov V.A. Evolyuciya ponyatiya «nacional'naya bezopasnost'» // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 119–122.
3. Filimonov G. «Myagkaya sila» kul'turnoj diplomatii SSHA: monografiya. – М.: RUDN, 2010. – 212 s.
4. Rajgorodskij V.L. Politicheskie i pravovye sredstva obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... d-r polit nauk: 23.00.02 / Rajgorodskij Valerij Leonidovich; Rostovskij juridicheskij institut MVD Rossii. Rostov-na-Donu, 2004. – 57 s.
5. Tolmacheva E.S., Puzikov R.V. Pravovoe regulirovanie nacional'noj idei v Rossijskoj Federacii: osobennosti i perspektivy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Politicheskie nauki i pravo. – 2015. – № 2 (2). – С. 42-47.
6. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda: utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12 maya 2009 g. № 537 (v redakcii Ukaza Prezidenta RF ot 01.07.2014 № 483) // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html>.

7. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196054/>
8. Mysev A.E., Morozov N.V. Pravovoe regulirovanie informacionnoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii // Otechestvennaya yurisprudenciya. – 2019. – № 3 (35). – S. 51-55.
9. Konceptsiya gosudarstvennoj semejnoy politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 avgusta 2014 g. № 1618-r // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html>
10. Strategiya gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda: utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 fevralya 2016 g. № 326-r // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>.